

## **ПРЕДЕЛЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.**

Доклад на общем собрании Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН 12 ноября 2018 года

Мировая экономика бесповоротно изменилась после кризиса 2008 г. Шаткое и неравномерное восстановление, увеличение социальных и региональных разрывов всюду питают радикальные настроения, популизм и склонность к авторитаризму. Абсолютное падение уровня жизни стало реальностью для значительных групп населения в развивающихся и развитых странах.

### **Глобализация и идеология глобализма**

Глобализация развивается особенно быстро с 1990-х гг.: распад биполярной системы и победа идеологии свободных рынков, либерализация движения капиталов и разбухание финансовых рынков, информационные технологии и цифровизация экономики. Мировая торговля перемещается в глобальные цепочки стоимости, где правила ВТО не имеют былого значения.

Идеология глобализма имела широкую поддержку после Второй мировой войны, ведь межвоенный период ясно показал, куда ведут протекционизм и автаркия. Хотя главные проponentы либерального миропорядка понимали его не во всем одинаково, вокруг центральной идеи существовал широкий консенсус. Свободное движение товаров, услуг и лиц способствует эффективному размещению ресурсов, росту благосостояния и занятости во всем мире. Открытая экономическая система увеличивает мировой пирог, выигрыш достается всем – бедным и богатым.

Вопрос о том, в какой мере и до какой поры будет прирастать пирог, то есть действовать эффект масштаба, остается в тени.

Либеральная идеология набирает силу со второй половины 1980-х годов. Западные экономисты сосредотачивают внимание на детерминантах долгосрочного экономического роста. Новая модель эндогенного роста (Пол Ромер, Роберт Лукас и их последователи)<sup>1</sup> определяет его внутренние источники: человеческий капитал, технологии, объем рынка. Монетаризм, ассоциируемый с именами М.Тэтчер и Р.Рейгана, переносит упор

государственной политики со спроса на предложение. Государство должно создавать благоприятные условия для бизнеса, не мешать ему.

Правительствам следует заботиться о стабильности цен и национальной валюты, снижать налоги и процентные ставки. На международном уровне альтернативы либерализации нет, свобода торговли товарами переходит на услуги, а затем на рынки капиталов (внутри ЕЭС с конца 1980-х).

С распадом социалистической системы «вашингтонский консенсус» становится общим руководством к действию. Жизнь подтверждает правоту Ф.Хайека: нет такого компьютера, который способен подсчитать все потребности общества и составить адекватный план производства.

Централизованная экономика обречена. У Запада пропадает «значимый другой» в виде закрытой плановой экономики, их собственные левые силы и профсоюзы остаются без внешней опоры. 1990-е годы проходят под знаком всеобщей либерализации движения капиталов, к конвертируемости переходят развивающиеся и бывшие социалистические страны, валютные и финансовые рынки растут на порядок быстрее, чем ВВП и мировая торговля.

### **Пределы глобализации**

Сначала европейский валютный кризис 1992-93 гг., а потом региональные финансовые кризисы в Юго-Восточной Азии и в России 1997-98 гг. поражают скоростью распространения и размерами ущерба. Оказывается, что мировая экономика без перегородок весьма уязвима. Кризис перемалывает даже страны со здоровой экономикой: механизм ожиданий топит их валюты.

Ценность глобализации не подвергается сомнению, просто нужно улучшить систему глобального управления. Международные форумы расширяют состав представленных стран и занимаются антикризисной повесткой; развернута реформа МВФ, банки развития на подъеме.

О пределах и опасностях глобализации уже пишут. Хайман Мински разрабатывает теорию финансовых рынков, его работы не привлекают внимания, пока не случается мировой финансовый кризис 2008 г. Основные идеи: современная кредитная система несет в себе мощный дестабилизирующий заряд, а управление реальной экономикой в отрыве от финансовой системы ведет к дорогостоящим ошибкам<sup>2</sup>. Дэни Родрик: глобализация на продвинутых стадиях дает меньше отдачи, чем прежде, а ее издержки, особенно для некоторых локальных рынков и их социальных систем резко возрастают<sup>3</sup>.

Вышедшая в 2013 г. книга Тома Пиккетти «Капитал XXI века» производит переворот в представлениях об облагороженном капитализме. На циклопическом статистическом материале автор доказывает, что богатыми во Франции сейчас являются те семьи, которые были богатыми сто и больше лет назад. Путь вверх для человека из низов куда труднее, чем принято считать. В периоды стагнации неравенство нарастает, вымывая базу для экономического роста<sup>4</sup>.

Структурные пределы интернационализации экономики. Доля торговли товарами и услугами в мировом ВВП сейчас лишь ненамного выше, чем в 1980 г., за прошедшие десятилетия она не перешагнула планки в 30%. То есть, предметом интернационализации является не более трети ВВП. Это связано со структурой современной экономики, где доля услуг повышается за счет промышленности. Но значительная часть услуг потребляется на месте и не может экспортироваться в принципе.

Социальные издержки глобализации. Деиндустриализация разрушила массовую занятость и силу объединений наемных работников. Импорт товаров из развивающихся стран, где отсутствуют социальные гарантии и пенсии, равносителен социальному демпингу. Переход к временным трудовым контрактам в Западной Европе, высокая молодежная безработица – следствие азиатской экспансии и падения социализма. Гай Стэндинг вводит понятие прекариата: это молодежь низов, обездоленная, плохо образованная и весьма опасная для общества<sup>5</sup>.

Глобализация содействует стратификации мира, то есть выделению центра и периферии при жесткой иерархии власти, от которой и зависит доступ к «пирогу»<sup>6</sup>. Самоподдерживающаяся иерархия не боится рыночных сил, наоборот, они закрепляют высокое положение избранных. Убедительный пример: механизм выбора ведущих валют на валютнообменных рынках: чем уже спред, тем больше спрос на валюту; чем больше оборот, тем уже спред. За два десятилетия единая европейская валюта не смогла сколько-нибудь потеснить доллар в мировом валютном обороте, ее доля составляет 31%. Китайский юань поднялся лишь до 4%, фунт и иена остались при своем: 13% и 22% соответственно. Доллар остается вне конкуренции, на него приходится 88% (при общем итоге 200%)<sup>7</sup>.

### **Вызовы для экономической науки**

Усиленная математизация экономической науки в два-три докризисных десятилетия не оправдала себя. Сверхсложные модели не помогли ни распознать точки возникновения кризиса, ни предсказать логику его

развития. Результаты банковских стресс-тестов в зоне евро не имели ничего общего с теми вызовами, на которые пришлось отвечать Европейскому центральному банку и национальным правительствам в 2008 – 2011 гг.

Сегодня экономика возвращается в гуманитарное лоно. Понимание природы человека и логики поведения рынков оказывается куда более сложной задачей, чем использование изумительного по красоте математического аппарата. Политическая экономия снова вошла в список университетских дисциплин.

С последствиями кризиса во всем мире боролись кейнсианскими рецептами. Укрепившаяся на исходе 1980-гг. вера в действенность монетаристских рецептов заметно ослабла. Тем более, что огромное предложение ликвидности банковскому сообществу со стороны центральных банков прижало процентные ставки к нулю. Следовательно, поле для маневрирования ими почти исчезло. Многочисленные рычаги и шкивы трансмиссионного механизма, составляющего практическое воплощение монетаризма, замерли. Перестали работать и эталонные ставки денежного рынка – из-за остановки межбанковского рынка и манипуляций первоклассных банков.

Немало сюрпризов преподнесла инфляция, изученная вдоль и поперек со времен римского императора Диоклетиана. Ее динамика в кризисные и посткризисные годы часто шла вразрез с экономической теорией. Евространа несколько лет балансировала на грани дефляции, рискуя повторить судьбу Японии. Брошенные на это направление интеллектуальные силы не выявили методов, при помощи которых Европейский центральный банк мог бы стимулировать рост цен. Отдельная проблема – расхождение ценовых траекторий отдельных стран, из чего следует, что единая денежно-кредитная политика дает разные результаты в разных регионах.

Место в экономической науке, недавно принадлежавшее математикам, после кризиса 2008 г. занимают представители «второстепенных» дисциплин. Резко повысился интерес к экономической истории, где обнаружилось невероятное количество белых пятен. Исторические методы исследований в соединении с ресурсами информационного общества становятся все более популярными и авторитетными.

Подъем переживает экономическая антропология<sup>8</sup>. Сегодня экономисты признают, что обмены совершаются не только ради прибыли. Они – неотъемлемый инструмент социального взаимодействия, подтверждения социального статуса членов группы<sup>9</sup>. Получаемый в результате торговли

товар может иметь меньшую ценность для его обладателя, чем поддержание добрососедства и доступ к информации.

Информационное общество и социальные сети содействуют деформации ценового механизма (помимо инфляционной аномалии). Классическая идея о том, что только механизм свободного ценообразования позволяет эффективно распределять ресурсы, вступает в противоречие с практикой. Одни и те же вещи могут теперь быть одновременно доступны на платной и бесплатной основе, что не мешает ни одному из этих двух сегментов.

Возникает множественная цена на один товар, включая стандартный, вроде поездок на такси. Социальные сети стирают грань между актом купли-продажи и даром. Информационное общество делает шаг в сторону новой архаики, где акты дарения, принятия или отказа от дара, выступают важными инструментами поддержания социальных связей и представлений каждого члена общества о своем месте в нем.

**Некоторые обобщения.** Исчерпание ресурсов глобализации выталкивает экономическую науку из привычных рамок модерна. Значимость материальных ценностей снижается, а эмоций и социальных взаимодействий растет. Экономика гуманизируется, делая усилия для познания природы человека. «Большие данные» помогут повысить достоверность нового знания. В ближайшие годы экономике, как когда-то физике и медицине, предстоит великий переход от науки опыта к доказательной науке.

- 
- <sup>1</sup> Romer, Paul M. Increasing Returns and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy* Vol. 94, No. 5 (Oct., 1986), pp. 1002-1037. Lucas, Robert E. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 22 (1988), pp. 3-42. Rebelo, Sergio. Long-Run Policy Analysis and Long-Run Growth. *The Journal of Political Economy*, Vol. 99, No. 3 (June 1991), pp. 500-521. Grossman, Gene M. and Helpman, Elhanan. Endogenous Innovation in the Theory of Growth. *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 8, Issue 1 (winter, 1994), pp. 23-44. Kremer, Michael. Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *Quarterly Journal of Economics*. 108: 681-716.
- <sup>2</sup> Minsky, Hayman. Can "It" happen again? Essays on instability and finance. M.E.Shape, 1982; Minsky, P. Hayman. *Stabilizing an unstable economy*. Yale University Press, 1986.
- <sup>3</sup> Rodrik, Dany. Has globalization gone too far? Institute for international economics, 1997; Rodrik, Dany. *The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy*, W.W.Norton & Company, 2012.
- <sup>4</sup> Русское издание: Пикетти, Томас. *Капитал XXI века*. М.: «Ад Маргинеем», 2016 – 592 с.
- <sup>5</sup> Standing, Guy. *The Precariat: The New Dangerous Class*, Bloomsbury, 2011.
- <sup>6</sup> Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. *Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура*. М.: «Праксис», 2004.
- <sup>7</sup> Данные Банка международных расчетов в Базеле за 2016 г.: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.3>
- <sup>8</sup> Из новинок российского книжного рынка: Пьер Бурдьё. *Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993)* / пер. с фр. Д. Кралечкина. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 416 с.
- <sup>9</sup> Салинз, Маршалл. *Экономика каменного века*. М.: «ОГИ», 1999.